

Глава 1136: Уйти живым

Чэнь Чаншэн подумал о возможности. Ранее он отказался от предложения учителя равноправных жен... Так эти два магических артефакта, выкованных из осколков Зеркала Ясного Неба, были похвалой ему?

Да, похоже, что его учитель всегда восхищался Южун. Похоже, что он упоминал это десять лет назад в Городе Белого Императора.

И судя по тому, что Юйжэнь сказал, во время его пребывания в Лояне во время новогодних праздников Шан Синчжоу редко упоминал Чэнь Чаншэна, но он несколько раз упоминал, что Гора Ли была чьей-то еще сектой, так что Сюй Южун, как Святая Дева, не должна была тревожить их.

Если она не должна была идти на Гору Ли, куда она должна была направиться? Во Дворец Ли или Лоян?

Когда он подумал о том, что Сюй Южун всегда с легкостью получала любовь своих старейшин, Чэнь Чаншэн испытал небольшую зависть.

Шан Синчжоу думал, что для них было немного неуместно жить в различных местах, и сделал эти маленькие устройства, но он не знал, что они давным-давно решили эту проблему.

У него и Сюй Южун был особый метод связи друг с другом. Вот как он смог моментально проинформировать Сюй Южун на Пике Святой Девы, когда Белый Журавль полетел в Город Белого Императора.

Сияющая каменная жемчужина на его запястье была Монолитом Небесного Тома.

Монолиты Небесных Томов всегда были своеобразным пространственным туннелем. Законы Мавзолея Книг и метод входа в Сад Чжоу были доказательством этого.

В эти десять лет он и Сюй Южун непрестанно изучали и познавали Монолиты Небесных Томов, наконец-то охватывая часть их тайн.

Их голоса могли перемещаться через Монолиты Небесных Томов на другую сторону, но даже немного конденсированное духовное чувство или реальные объекты не могли.

В этот миг другая серая каменная жемчужина на запястье Чэнь Чаншэна зажглась.

«Лоло отдает дань уважения Учителю!»

Из каменной жемчужины послышался звонкий и мелодичный голос.

Да, у нее тоже был Монолит Небесного Тома, и она тоже научилась связываться с Чэнь Чаншэном.

Откуда-то раздался легкий хлопок. Каменная жемчужина связи с Сюй Южун потускнела.

Чэнь Чаншэн широко раскрыл рот. Он не знал, что сказать.

Лоло на другой стороне была немного встревожена из-за отсутствия ответа и позвала: «Учитель! Учитель! Учитель, вы в порядке?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Я в порядке, просто немного рассеянный».

«Это замечательно!»

Хоть они и были разделены десятками тысяч ли, Чэнь Чаншэну все еще казалось, что он видел перед собой милый вид Лоло, как она облегченно хлопала себя по груди.

Вдруг, он наконец-то понял, почему Сюй Южун была настолько недовольной в несколько последних дней, будь это на равнинах расы эльфов или в Городе Сюньян.

Все это было связано с тем днем.

Тот день и правда был очень похож на сегодня.

Когда Белый Журавль летел из штаба Армии Горы Сун, он и Сюй Южун переговаривались, пока он плыл на лодке по Красной Реке.

Цзины пели в реке в то время и Лоло была рядом с ним, своими маленькими ручками кормя его фруктами.

Лоло не осознавала, что Сюй Южун могла слышать, что она говорит.

Он тоже не подумал об этом в то время.

.....

.....

«И что же сказала Принцесса Лоло?»

Лицо Танга Тридцать Шесть сияло от интереса. Даже его длинная борода, обдуваемая ветром, не могла скрыть это.

Чэнь Чаншэн боковым зрением подтвердил, что никто не смотрел на него. Он также подтвердил, что никто не слушал за спиной Танга Тридцать Шесть, так что прошептал: «Она сказала... ‘Учитель, будьте хорошим и откройте ротик’».

Танг Тридцать Шесть уставился на него, желая засмеяться, но не смея. Все его лицо покраснелось.

Люди на стене наконец-то заметили, что происходит.

Принц Чжуншань недовольно поднял брови. Премьер-Министр в стороне улыбнулся, говоря утешающим голосом.

Линхай Чживан и Даосист Сьюань переглянулись, делая вид, что они не видели.

Только вернувшись из племени Медведя и заняв новый пост, Архиепископ Ань Линь горько рассмеялась, больше ничего не говоря.

Это место было Городом Сюньян.

Все престижные фигуры стояли на городской стене.

С углублением весны расцветали растения. Снежные равнины севера теплели, так что великому мероприятию наконец-то было суждено начаться.

Через несколько столетий раса людей вот-вот отправится в еще одну северную экспедицию.

Император лично совершил возлияние и сопровождал армию из Имперского Дворца до краев столицы.

Поп Чэнь Чаншэн путешествовал с ними до Города Сюньян.

Равнины за Городом Сюньян были усеяны людьми, и были темными и плотными, как волна.

Все эти люди шли на свою смерть, так что это была самая могучая волна мира.

Десятки тысяч доблестных духовных чувств и убийственных намерений, собравшихся вместе, превосходили даже самые свирепые западные ветра. Даже если Золотой Дракон вернется на Центральный Континент и с тысячи ли увидит, как эта убийственная аура поднимается в небеса, он будет ошеломлен, не смея приближаться.

Десять тысяч всадников Ортодоксии, шестьдесят тысяч черных всадников и даже больше обычных солдат собралось здесь. Шесть Префектов Дворца Ли, двадцать три Божественных Генерала Великой Чжоу, три тысячи священников, и элита Храма Южного Ручья выдвигались вперед. Весь Зал Мечей Горы Ли собрался здесь, как и эксперты из различных сект, Стражи и хозяева благородных кланов. Здесь также были Ван По, Хуай Жэнь, Глава Секты Горы Ли, Мао Цюй и Принц Сян. Учитывая всех этих экспертов Божественного Домена, готовых выдвинуться в любое время, этот импульс был не меньше, чем в северной экспедиции несколько столетий назад.

Десятки тысяч солдат начали марш, и когда они выдвинулись вперед, равнины становились тише и тише, а атмосфера - все более и более угрюмой.

Никто не смеялся, и никто не придавал внимания тому, что случилось ранее.

Танг Тридцать Шесть посмотрел вперед на горную гряду к западу и нахмурился: «Я не ожидал, что Принц Сян пожелает выдвинуться с Армией Левого Фланга».

Город Сюньян был местом, откуда будут выпущены все стрелы. Такому критически важному месту был необходим эксперт Божественного Домена для присмотра за ним.

У Цао Юньпина были превосходные отношения со всеми сторонами, и честный и мягкий характер. В результате выбрали его, как человека, которому доверяли все.

Принц Сян провел большую часть последних десяти лет у Синего Перевала, проявляя сдержанность.

Так, естественно, было не потому, что его сына Принца Чэнь Лю удерживали в плену в столице. Так было, потому что ситуация требовала этого.

Все думали, что он попытается заполучить эту должность, но он не сказал ни слова.

Было бы проще понять, если бы это был Принц Чжуншань. Раздражительный принц определенно устремится вперед армии во славу Имперского клана Чэнь.

«Происходит много удивительных вещей. Например, ты и правда отрастил бороду».

Чэнь Чаншэн посмотрел на лицо Танга Тридцать Шесть, покачав головой. Он все еще не мог привыкнуть к этому.

Танг Тридцать Шесть объяснил: «У меня слишком большая элегантность. Я отрастил бороду, чтобы отчасти скрыть ее, и чтобы не привлекать слишком много девушек».

Его характер действительно успокоился в несколько последних лет, и он гораздо реже бранился на людях, но его нарциссизм остался неизменным.

Но это нельзя было полностью отнести к нарциссизму. Его слова содержали долю правды, капельку беспомощности.

Старая Леди клана Муту серьезно заболела в прошлом году, а когда выздоровела, похоже, что увидела за грань мирских дел. Но она все еще не могла бросить свою любимую внучку, так что отправилась в Вэньшуй и оставалась в старом поместье клана Танг в течение трех месяцев, пытаясь добиться брака с кланом Танг. Танг Тридцать Шесть не смел возвращаться домой, но и не смел оставаться в Ортодоксальной Академии. В итоге, он решил последовать за Су Моюем и провести новый год в Павильоне Десяти Тысяч Лет в Силин.

Чэнь Чаншэн сказал: «Я слышал, что это захватывающе красивая юная леди?»

Танг Тридцать Шесть ответил: «У клана Муту всегда было много красавиц, но можно ли меня назвать одним из поверхностных парней, которого интересует только внешность?»

Чэнь Чаншэн сказал: «Южун знает эту леди и сказала, что у нее превосходный характер. Кроме того, ради эффективности, тебе стоит встретиться с ней».

Танг Тридцать Шесть ухмыльнулся: «Смею поспорить, что это были не ее слова».

Чэнь Чаншэн замер на мгновение, после чего сказал: «Ее словами было, что ты не соответствуешь этой леди».

Танг Тридцать Шесть в ярости взмахнул рукавами и ушел.

Он взобрался на городскую стену, взял вожжи, сел на своего коня, и направился на север.

Во время всего этого процесса он даже не взглянул на Чэнь Чаншэна.

«Возвращайся живым!»

Выкрикнул Чэнь Чаншэн.

Даже если на него смотрели бесчисленные люди, казалось, что он не замечал.

Танг Тридцать Шесть махнул рукой, даже не оборачиваясь.